

**М
Ф**

ВЗОРВАННЫЙ МИР

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

МИР ФАНТАСТИКИ

4

Гродненское областное добровольное общество „Книга”
Хозрасчетное молодежное объединение „Парус”
при Гродненском обкоме ЛКСМБ
Клуб любителей фантастики „Сталкер”
г. Гродно

МИР ФАНТАСТИКИ

Составитель выпусков
А. В. Велько

Оформление
Б. Н. Солина, А. В. Велько

ФРЕДЕРИК ПОЛ. Девятый день рождения.
УИЛЬЯМ Ф. НОЛАН. Конец, и никаких „но”.
Фантастические рассказы. – Гродно, 1990. – 16 с.

В настоящий сборник включены произведения известных зарубежных писателей-фантастов. Военная угроза атомной войны и будущее человечества – основная тема рассказов.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Фантастический рассказ

В свой девятый день рождения Тимоти Кларк не получил торта. Весь день он провел в аэропорту в Нью-Йорке. Иногда Тимоти засыпал ненадолго, потом снова просыпался и время от времени тихо плакал от усталости и страха. За весь день он съел всего несколько засохших бутербродов из передвижного буфета; кроме того, его ужасно смущало, что он намочил штаны. Пробраться к туалетам через забытый беженцами зал было просто невозможно. Почти три тысячи человек толкались в зале, и все прибыли сюда с одной только мыслью: скрыться! Забраться на самую высокую гору. Бежать! Спрятаться!..

Они боялись. Даже у тех немногих, кому удалось пробиться на самолет и взлететь, не было никакой уверенности в том, что они смогут укрыться от опасности, когда они попадут туда, куда отправляется самолет. Матери расставались с детьми, они запикивали своих кричащих младенцев на борт самолета и таяли в толпе, где начинали рыдать столь же безутешно.

Поскольку приказа о запуске ракет еще не поступило (по крайней мере такого приказа, о котором было бы известно массам), время, чтобы бежать, еще оставалось. Совсем немного времени. Ровно столько, чтобы перепуганные заполнили до отказа аэропорты везде, где только можно. Ни у кого не оставалось сомнений, что ракеты вот-вот полетят. Попытка свергнуть правительство Кубы стала отправной точкой бешеного прорыва враждебности. Никто не знал подробностей, но все знали, что одна подводная лодка атаковала другую ракетой с ядерной боеголовкой. Это, по общему мнению, служило сигналом того, что ближайшие события могут стать последними.

Тимоти мало что знал о происходящих в мире событиях, но даже если ему было о них известно, что бы он стал делать? Плакать? Просыпаться от кошмарных снов? Мочить штаны? Он не знал, где его отец. Он не знал, где его мама, которая отошла на минутку, чтобы попробовать дозвониться папе, после чего вдруг объявили посадку сразу в три „Боинга”, и огромная толпа просто смела Тимоти, унеся его далеко от того места, где он ждал маму. Он не помнил этого места. Даже если бы и помнил, вряд ли сумел бы пройти сквозь такую густую толпу. Он не знал, что ему делать, и теперь лишь боялся потерять такое удобное место у стены, где можно даже поспать, не опасаясь, что на тебя наступят. Но это

было не все. Мокрый и уже простывший Тимоти чувствовал себя все хуже и хуже. Молодая женщина, которая была рядом и купила для него бутерброды, увидела его вялость и горящее лицо, приложила свою руку к его лбу и беспомощно опустила. Мальчику нужен был врач. Но врач нужен был еще, может быть, сотне других беженцев, престарелым людям с больным сердцем, голодным детям и двум женщинам, собирающимся рожать.

Если бы этот ужас закончился и лихорадочные попытки правительственных переговоров, которые наверняка сейчас шли, увенчались успехом, Тимоти, наверно, нашел бы своих родителей. Он мог бы вырасти, жениться и через несколько лет подарить им внука. Но кто сейчас предугадает его судьбу? Если бы немного раньше его мать толкалась чуть сильнее, Тимоти попал бы в самолет, который достиг Питтсбурга как раз в тот момент, когда там все начало превращаться в плазму. Но мать не смогла растолкать толпу, и Тимоти остался жив, по крайней мере до сего момента.

Поскольку Гарри Малиберт собирался в Портсмут на семинар Британского Межпланетного Общества, он находился уже в аэропорту и потягивал мартини, когда телевизор у стойки бара вдруг привлек всеобщее внимание. А обычно его не замечали.

Люди давно привыкли к глупым проверкам коммуникационных систем на случай ядерной атаки. Эти проверки время от времени проводят радиостанции, но на этот раз... На этот раз, похоже, речь шла о серьезных событиях! На этот раз говорили всерьез! Из-за непогоды рейс Малиберта отложили, но еще до того момента, когда истек срок задержки вылета, власти запретили вообще все полеты. Ни один самолет не покинет аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке!

И почти сразу же зал аэропорта стал наполняться потенциальными беженцами. Люди все прибывали и прибывали. Вскоре Малиберт оказался втиснутым в маленький закуток бара. Там его и узнал один из членов администрации аэропорта.

– Вы – Гарри Малиберт, – сказал он. – Я однажды был на вашей лекции в Нортвестерне.

Малиберт кивнул. Обычно, когда кто-то обращался к нему подобным образом, он вежливо отвечал: „Надеюсь, вам понравилась лекция“. Но на этот раз нормальная вежливость как-то не казалась уместной. Или даже нормальной.

– Вы тогда показывали слайды Аресибо, – вспоминая, произнес мужчина. – И говорили, что этот радиотелескоп способен передать сообщение хоть до туманности Андромеды, на целых два миллиона световых лет... Если только там окажется такой же хороший принимающий радиотелескоп.

– А вы неплохо все запомнили, – удивленно сказал Малиберт.

– Вы произвели сильное впечатление. Это замечательная идея – использовать большие телескопы для поисков сигналов других цивилизаций. Может быть, мы кого-нибудь услышим, может,

установим контакт и уже не будем одни во Вселенной. И вы заставили меня задуматься: почему к нам до сих пор никто не прилетел? Почему мы до сих пор не получили ни от кого весточки? Хотя теперь, – добавил он с горечью, взглянув на выстроенные в ряд охраняемые самолеты снаружи и на толпу внутри, – теперь, кажется, уже понятно почему.

Малиберт смотрел, как он удаляется, медленно пробиваясь сквозь людей, ждущих посадки на любой первый попавшийся самолет, и сердце его наливалось тяжестью. Занятие, которому он посвятил всю свою профессиональную жизнь – Поиск Инопланетного Разума, – потеряло, похоже, всякий смысл. Если упадут бомбы – а все говорят, что они вот-вот должны упасть, – тогда поиск инопланетного разума очень долго никого не будет интересовать. Если вообще будет...

В конце бара загомонили. Малиберт обернулся и, облокотившись о стойку, взглянул на телевизор. Кадр с надписью „Пожалуйста, ждите сообщений” исчез, и вместо него на экране появилась молодая темноволосая женщина. Дрожащим голосом она зачитала сводку новостей:

– ...Президент подтвердил, что против США началась ядерная атака. Над Арктикой обнаружены приближающиеся ракеты. Всем приказано искать укрытия и оставаться там до получения дальнейших сообщений...

Да. Все кончено, подумал Малиберт. Если не навсегда, то по крайней мере на очень долгий срок.

Удивительно было то, что новость о начале войны ничего не изменила. Никто не закричал, не впал в истерику. Приказ искать укрытие не имел никакого смысла в аэропорту Джона Кеннеди, где не имелось никакого убежища за исключением стен самого здания. Малиберт ясно представил себе необычную в аэродинамическом отношении крышу аэропорта и понял, что любой даже небольшой взрыв где-нибудь неподалеку снесет ее начисто и швырнет через залив. Устоят ли стены – тоже сомнительно.

Но деваться было некуда.

Передвижные группы телеоператоров все еще работали, одному богу известно, зачем. Телевизор показывал толпы на Таймсквер, застывшие автомобили в заторе на мосту Вашингтона, водителей, бросающих свои машины и бегущих к берегу в сторону Джерси. Сотни людей в аэропорту вытягивали шеи, пытаясь, через головы разглядеть экран, но все молчали: лишь изредка кто-нибудь называл знакомую улицу или здание.

Потом раздался властный голос:

– Я прошу всех подвинуться! Нам нужно место! И кто-нибудь, помогите нам с пациентами!

Это по крайней мере могло принести какую-то пользу. Малиберт сразу же вызвался, и ему поручили маленького мальчика. Тот стучал зубами от холода, но лоб его горел.

– Ему дали тетрациклин, – сказал врач. – Если сумеете, его нужно переодеть, хорошо? С ним все будет в порядке, если...

„Если с нами все будет в порядке“, – подумал Малиберт, заканчивая за него предложение. Что значит – переодеть? Во что он может переодеть мальчика? Малиберт снял с него намокшие джинсы и трусики, достал из кейса свои собственные спортивные трусы и натянул их на мальчишку чуть не до подмышек. Затем Малиберт разыскал под стойкой ворох бумажных полотенец и, как сумел, отжал джинсы. Худо ли бедно, но через десять минут, когда он надел их на мальчика, джинсы все-таки стали посуше.

По телевизору передали, что прекратились передачи и связь с Сан-Франциско.

Малиберт заметил, что сквозь толпу к нему пробивается тот самый мужчина из администрации аэропорта.

– Я могу вытащить вас отсюда, – прошептал нежданный спаситель. – Сейчас загружается исландский ДС-8. Никакого объявления не будет – если объявить, охрану просто сомнут. Для вас, доктор Малиберт, есть одно место.

Малиберта словно ударило током. Он задрожал и, сам не зная, почему, спросил:

– Могу я вместо себя посадить мальчика?

– Возьмите его с собой, – несколько раздраженно ответил мужчина. – Я не зал, что у вас есть сын.

– У меня нет сына, – сказал Малиберт. Но сказал очень тихо.

Когда они оказались в самолете, он посадил мальчишку на колени и обнял его так нежно, словно держал собственного ребенка.

Во всем мире была паника. Все прекрасно понимали, что их жизни в опасности. Что-то надо было делать, что угодно – бежать, прятаться, окапываться, запастись продовольствием... Молиться. Городские жители пытались выбраться из огромных городов в безопасность открытых пространств. Фермеры и жители пригородов, наоборот, рвались в город, где, по их мнению, должны быть бетонные подвалы...

И ракеты упали.

Бомбы, что сожгли Хиросиму и Нагасаки, были словно спички по сравнению с теми вспышками, что унесли в первые часы восьмьдесят миллионов жизней. Бушующее пламя на сотню метров взвилось над городами. Ветер, превратившись в ураган, подхватывал бывшие машины, бывших людей, бывшие здания и все это пеплом поднимал в небо. Мелкие капли расплавленного камня и пыль зависли в воздухе.

Небо потемнело.

Затем оно стало еще темнее.

Когда исландский самолет, успевший до бомбежки вырваться к океану, приземлился в своей стране, в аэропорту Кефлавик, Малиберт вынес мальчика на руках и по крытому проходу напра-

вился к стойке с табличкой „Иммиграция”. Здесь собралась длинная очередь, поскольку у большинства пассажиров вообще не оказалось паспортов. К тому времени, когда подошла очередь Малиберта, женщина за стойкой уже устала выписывать временные разрешения на въезд в страну.

– Это мой сын, – солгал Малиберт. – Его документы у моей жены, но я не знаю, где она.

Женщина утомленно кивнула, пожала плечами и пропустила их.

Лоб у мальчика по-прежнему горел, глаза были полузакрыты, и Малиберт думал только о том, чтобы как можно скорее добраться до детского врача.

В автобусе девушка-гид с английским языком, которой поручили группу прибывших, села с микрофоном на подлокотник сиденья в первом ряду кресел.

– Чикаго? Чикаго нет. И Детройта, и Питтсбурга. Нью-Йорк? Нью-Йорка давно нет! – строго произнесла она вдруг, и по щекам ее покатались крупные слезы, отчего Тимоти тоже заплакал.

– Не волнуйся, Тимоти – сказал Малиберт, прижимая его к себе; в полете он узнал имя мальчика. – Никому не придет в голову бомбить Рейкьявик.

И никому не пришлось бы. Но когда автобус отъехал от аэропорта всего миль десять, облака впереди неожиданно полыхнули настолько ярко, что все пассажиры зажмурились. База, маленькая авиабаза в Кефлавике – она тоже была военным объектом...

К несчастью, радиация и другие помехи к тому времени сильно ослабили точность наведения ракет. Малиберт оказался прав: никому не пришлось в голову специально бомбить Рейкьявик, но ошибка в сорок миль сделала свое дело, и город перестал существовать.

Чтобы избежать пожаров и радиации, они объехали Рейкьявик по широкой дуге. И когда в их первый день в Исландии встало солнце, Малиберт, задремавший было у постели Тимоти после того, как исландская медсестра накачала мальчишку антибиотиками, увидел жуткий кровавый свет зари. На это стоило посмотреть, тем более что в последующие дни рассвета никто больше не видел.

Хуже всего была темнота, но поначалу это не казалось таким уж важным. Важнее казался дождь. Триллионы частичек пыли, сажи сконденсировали водяной пар. Образовывались капли. Лил дождь. Потоки, моря воды с неба. Реки переполнялись. Миссисипи вышла из берегов, и Ганг, и Желтая река. Асуанская плотна сначала держалась, пропуская воду через края, но потом рухнула. Ложди шли даже там, где дождей никогда не было. Сахара познала наводнение. В Китае десятилетняя норма осадков пролилась за неделю, и водой догола отмыла когда-то плодородные холмы.

А темнота не уходила.

Человечество всегда жило, на 80 дней опережая голод: именно на такой срок можно растянуть суммарные запасы продовольствия всей планеты. И человечество вступило в ядерную зиму, имея запасов ровно на 80 дней.

Ракеты полетели 11 июня. Если бы склады располагались по всему миру равномерно, то к 30 августа человечество съело бы последние крохи. Люди начали бы умирать от голода и умерли бы все недели через шесть.

Однако склады расположены неравномерно...

Северное полушарие катастрофа застала в начале лета. Поля засеяны, но посевы еще не вызрели. Молодые растения тянулись в поисках света, но не находили его и умирали. Солнце заслоняли плотные облака пыли, взметенной термоядерными взрывами.

И в июне пришла зима. Точнее даже – ледниковый период.

Конечно, горы продуктов хранились в богатых странах Северной Америки и Европы. Но продукты быстро таяли. Коровы, свиньи, овцы, козы и лошади, кролики и куры, даже котята и хомяки – все они умерли быстро и стали пищей, чтобы подольше сохранить консервы.

Первыми ощутили голод города. Когда вооруженные солдаты и банды стали искать продовольствие, в городах начались погромы, принесшие новую волну смертей. Агония не заняла много времени. К концу „лета“ застывшие останки городов стали похожими друг на друга. В каждом из них выжило немного людей, преимущественно говорезов, денно и ночью охраняющих свои сокровищницы с консервированной, сушеной или замороженной пищей.

Все реки мира от истоков до устьев заполнились жидкой грязью; умерли последние деревья и травы, перестав удерживать землю своими корнями, и дождь смывал грязь в реки. Вскоре дожди превратились в снегопады.

Мороз и голод довершали то, что начали бомбы.

Смерть.

Сорок дней и сорок ночей падал с неба дождь, а потом снег. Температура тоже падала. Исландия замерзла, замерз океан.

С удивлением и облегчением Гарри Малиберт обнаружил, что Исландия неплохо подготовлена к подобному испытанию. Благодаря своему вулканическому происхождению Исландия смогла выжить, когда все остальные районы планеты погибли от холода.

Уцелевшие власти определили Малиберта на работу сразу же, как только узнали, кто он такой. Разумеется, специалиста по радиоастрономии, интересующегося проблемами контактов с далекими (и весьма возможно, несуществующими) цивилизациями, не нашлось. Зато нашлось много работы для человека с хорошей научной подготовкой, тем более для квалифицированного инженера, руководившего в течение двух лет обсерваторией Аресибо. Когда Малиберт не выхаживал Тимоти, медленно, молчаливо справляющегося с пневмонией, он занимался тем, что рас-

считывал потери тепла и скорости прокачки геотермальных вод по трубам.

Почти все дома в Исландии обогреваются водой из кипящих подземных ключей. Тепла предостаточно. Но доставить это тепло из долин гейзеров в дома не так просто. Горячая вода оставалась такой же горячей, поскольку ее температура совсем не зависела от поступления солнечной энергии. Но чтобы сохранить в домах тепло при -80°C снаружи, воды требуется гораздо больше, чем раньше.

В Исландии много геотермальных теплиц. Очень скоро из них исчезли цветы, и на их месте появились овощи. Поскольку солнечного света не было, люди перевели на максимальную мощность геотермальные электростанции, а лампы дневного света исправно продолжали освещать стеллажи с растениями. И теперь не только в теплицах. В гимнастических залах, в церквях, в школах – всюду начали выращивать пищу под искусственным светом ярких ламп. Пока хватало и другой пищи. Многие тонны белка бляели и голодали на холмах. Люди ловили, забивали и свеживали овец, затем снова отправляли тушу наружу – чтобы замерзли до тех пор, пока не понадобятся. Животные, которые умирали от холода, тоже шли на пищу.

Когда Малиберт не вычислял тепловые коэффициенты, он руководил работами, не прекращавшимися ни в какие морозы. В ледяных норах землекопы, потев от усилий, ремонтировали старые трубопроводы и тянули новые. И все то и дело поглядывали на свои радиационные счетчики и на низкое штормовое небо.

Когда Малиберт не выполнял роль технического советника, занятого сохранением тепла в Исландии, или роль приемного отца Тимоти, он пытался вычислить шансы на выживание. Не только их – всего человечества. При огромном объеме суматошно-срочной работы для спасения оставшихся в живых исландцы нашли время подумать о будущем и создали исследовательскую группу, в которую помимо Малиберта вошли еще несколько человек: физик из университета в Рейкьявике, уцелевший офицер-снабженец с авиабазы и метеоролог из Лейденского университета, приехавший в Исландию для изучения северо-атлантических воздушных масс. Они собирались в комнате, где жили Малиберт и Тимоти, и обычно, пока велись разговоры, мальчик молча сидел рядом с Малибертом.

Больше всего их интересовало, как долго будут висеть в небе пылевые облака. Ведь когда-нибудь все взвешенные в воздухе частицы должны выпасть на землю, и тогда мир может быть возрожден. Если, конечно, выживет достаточное число людей, чтобы возродить новую расу. Но когда? Никто не мог сказать с уверенностью. Никто не знал, сколь долгой, холодной и смертоносной будет ядерная война.

– Я не знаю, сколько всего мегатон было взорвано, – сказал

Малиберт. – Мы не знаем, какие изменения произошли в атмосфере. Мы не знаем уровня радиации на материке. Мы не знаем уровня радиации в океанах. Мы знаем только, что все будет плохо.

– Все уже плохо, – проворчал Магнессон, начальник Управления Общественной Безопасности. Совсем недавно это учреждение имело отношение к поимке преступников, но времена, когда главной угрозой общественной безопасности была преступность, уже прошли.

– Будет хуже, – сказал Малиберт.

Действительно, стало хуже. Холода усилились. Радиосообщений со всех концов Земли поступало все меньше и меньше. Они отмечали на картах сведения о ядерных взрывах. Впрочем, все эти карты утратили смысл, потому что, насколько можно было судить по скудным сообщениям; смертность от холода начала превышать число жертв ядерных бомбардировок. Линия снежного и ледового покрова неудержимо продвигалась к экватору. Всюду наступали холода. Карты смертности, куда заносились процентные соотношения умерших и живых в различных районах планеты, вычисляемые из полученных сообщений, вскоре страшно просто стало составлять.

Британские острова умерли одними из первых. Не потому, что их бомбили, а наоборот: там осталось в живых слишком много народа. А в Британии никогда не было больше четырехдневного запаса продовольствия, и когда перестали приходить корабли, в стране начался голод. То же самое произошло и с Японией. Чуть позже – на Бермудских и Гавайских островах, потом в островных провинциях Канады. Вслед за ними пришла очередь самого континента.

Тимми прислушивался к каждому слову. Мальчик говорил очень мало. После первых нескольких дней он перестал спрашивать о своих родителях. На хорошие вести он не надеялся, а плохих не хотел. С его болезнью Малиберт справился, то Тимми окончательно не выздоровел. Оживал Тимми лишь в те редкие минуты, когда Малиберт выкраивал время, чтобы рассказать ему о космосе. Многие в Исландии знали о Гарри Малиберте и Поиске Инопланетного Разума, и некоторых эта проблема волновала почти так же сильно, как самого Гарри. Когда позволяло время, Малиберт и его поклонники собирались вместе: Ларс, почтальон (теперь занятый на вырубке льда, поскольку почты не стало); Ингар, официантка из отеля (теперь она шила тяжелую ткань для теплоизоляции жилищ); Эльда, учительница английского (теперь санитарка, основная специальность – обморожения). Приходили и другие, но эти трое присутствовали всегда, когда они могли оторваться от дел. Все они читали книги Малиберта и вместе с ним мечтали о радиопосланиях невероятных инопланетян откуда-нибудь с Альдебарана или о гигантских кораблях, которые понесут через галактические просторы тысячи людей, отправившихся в путешествие на века. Тимми слушал и рисовал схемы звездных кораблей. Малиберт ему помогал.

– Я разговаривал с Джерри Узббом, – пояснил он. – Джерри разработал детальные планы. Тут все дело в скорости вращения и

прочности материалов. Чтобы создать для людей, летящих в корабле, искусственную силу тяжести нужной величины, корабль должен быть круглым, и он должен вращаться. Требуемый размер – шестнадцать километров в диаметре. Кроме того, цилиндр должен быть достаточно длинным, чтобы на все хватило места, но не настолько, чтобы динамика вращения вызвала болтанку и изгиб. Длина окружности этой космической баранки – километров шестьдесят. Одна половина для жилья, вторая – для горючего. А на конце двигатель, работающий на основе термоядерного синтеза и толкающий корабль вперед через всю Галактику.

– Термоядерный синтез... – произнес мальчик. – А почему он не расплавит корабль?

– Это уже вопрос для конструктора, – честно признался Малиберт. – Я таких подробностей не знаю, Джерри планировал зачитать свой доклад в Портсмуте. Поэтому я туда и собирался. Поэтому мы с тобой и встретились.

Семинар в Портсмуте... Как нереально это сейчас выглядело.

– Было бы здорово услышать голос с другой звезды, – сказал вдруг Ларс задумчиво.

– Никаких голосов нет, – заметила Ингар. – А сейчас нет даже наших голосов. И в этом заключается разгадка парадокса Ферми.

Мальчик уже перестал есть и спросил, что это такое. Малиберт объяснил ему, как мог.

– Парадокс Ферми... Он назван так в честь ученого Энрико Ферми. Мы знаем, что во Вселенной существует много миллиардов таких звезд, как наше Солнце. А поскольку у Солнца есть планеты, логично предположить, что планеты есть и у других звезд. На одной из наших планет есть жизнь. А раз на свете так много звезд, то наверняка хотя бы часть из них имеет планеты, где живут разумные существа. Люди. Такие же развитые, как мы, или перегнавшие нас. Люди, которые строят космические корабли или посылают радиосигналы к другим звездам так же, как мы. Ты все пока понимаешь, Тимми?

Мальчик кивнул.

– И вот Ферми задался вопросом: „Почему кто-нибудь из них не навестил нас?“

– Как в кино, – кивнул Тимоти. – Летающие тарелки.

– В кино – выдуманные истории, Тимми. Разновидность сказок. Может быть, когда-то нашу планету и посещали существа из космоса, но убедительных доказательств тому нет. Я думаю, что доказательства нашлись бы, если бы они сюда действительно прилетали. Должны найтись. Тем более, если таких визитов было много. Однако на Земле не обнаружено пока ничего такого, что бесспорно говорило бы о пришельцах. Поэтому на вопрос Ферми есть только три ответа. Первое: кроме нас, жизни во Вселенной нет. Второе: жизнь есть, но они решили не вступать с нами в контакт, потому что мы, может быть, пугаем их своими жестокими нравами или еще по какой-нибудь другой причине, о которой мы даже не догадываемся. А третий ответ...

Эльда подавала знак, но Малиберт покачал головой.

– Третий ответ таков: как только люди доходят в своем разви-

тии до того момента, когда они имеют все, чтобы выйти в космос, то есть, когда у них появляется такая развитая технология, как у нас, у них также появляются все эти жуткие бомбы и другое оружие, с которым они уже не в состоянии справиться. Начинается война, и они убивают друг друга еще до того, как по-настоящему вырастут.

– Как сейчас, – сказал Тимми и кивнул, чтобы показать, что все понял.

Мир погрузился в полную темноту. Не стало ни дня, ни ночи, и никто не мог сказать, как долго это продлится. Сухой леденящий ветер сметал в ущелья последние снежинки. Запасы иссякали, и люди начали ездить к руинам Рейкьявика за медикаментами и продовольствием. К Эльде все больше и больше обращались с признаками радиационной болезни. Однажды из Рейкьявика привезли Тимоти подарок: несколько плиток шоколада и набор открыток из сувенирного киоска, уцелевшего в подземном переходе. Шоколад пришлось поделить, зато открытки все достались ему.

– Ты знаешь, кто это такие? – спросила Эльда. С открыток глядели огромные, приземистые, уродливые мужчины и женщины в костюмах тысячелетней давности. – Это тролли. В Исландии много легенд о том, что здесь когда-то жили тролли. И они все еще здесь, Тимми. По крайней мере, люди так говорят. Многие верят, что горы – это тролли, слишком старые, слишком большие и слишком уставшие, чтобы двигаться.

– Это все выдуманные истории, да? – серьезно спросил мальчик. – Видимо, тролли победили в этой войне.

– Боже, Тимми!... – только и произнесла Эльда.

А Малиберт в этот вечер впервые после войны почувствовал себя счастливым, потому что Тимоти в первый раз назвал его папой.

Чем завершить этот рассказ?

В одном из вариантов окончания этой истории солнце вернулось, но слишком поздно. Исландия оказалась последним местом, где люди еще держались, но и в Исландии начался голод. В конце концов на Земле не осталось никого, кто умел бы говорить, изобретать машины и читать книги. Первый смутный рассвет никого не застал на Земле, никто не порадовался ему.

Но есть и другой вариант. В этом варианте солнце вернулось вовремя. Может быть, едва-едва вовремя, но продовольствие еще не иссякло к тому моменту, когда от прикосновений лучей света в каких-то районах планеты зазеленели растения, выращенные из замерзших или сохраненных людьми семян. В этом варианте Тимми мог остаться в живых и вырасти. В каком мире ему пришлось бы жить – не возьмемся описывать.

А может быть, настоящее окончание этой истории в том, чтобы она не начиналась? В том, чтобы люди Земли все-таки решили не драться друг с другом, чтобы не задушила тьма жизнь на планете? Чтобы Тимоти в свой девятый день рождения, как и любой другой мальчишка, смог получить праздничный торт и спокойно съесть его вместе с папой и мамой и друзьями?

По крайней мере хочется в это верить.

Перевод А. Корженевского

КОНЕЦ, И НИКАКИХ „НО“

Фантастический рассказ

Остановив роскошный кремовый „Сандерберд“ в конце покрытого гравием проезда, Гаррисон Миллер почувствовал желание раздавить солнечные очки. Он выбрался из машины, достал их из дорогого кожаного чехла – подарок Сильвии ко дню рождения, – осторожно опустил под ноги и тяжело наступил, сминая изящную оправу и кроша в порошок темные стекла.

– Чудесно, – сказал Гаррисон Миллер. – Теперь твоя очередь, Берд.

Он дважды обошел вокруг длинного приземистого автомобиля, удовлетворенно кивнул и так ударил каблуком по бамперу, что тот прогнулся.

– Не сравнить с тем, как делали раньше – отметил Гаррисон Миллер и направился к прелестному белому домику, расположенному на склоне холма. По пути он намеренно прошел по влажной клумбе, потоптав драгоценные розы жены и измазав туфли.

Сильвия Миллер, холодно улыбаясь, стояла в дверях. Ее лицо покраснелось, как всегда, когда муж возвращался пьяный.

– Опять, Гарри? Никак не можешь не набраться?

– Ошибаешься, милочка. – Он ухмыльнулся. – Трезв как стеклышко. Угодно убедиться?

Он наклонил голову, широко разинул рот и громко выдохнул. Жена сморщила нос, потом резко выпрямилась.

– Господи, да ты в самом деле трезв!

– Совершенно верно. Мужьям заказано обманывать своих возлюбленных.

Сильвия опустила глаза на его подтекающие туфли

– Ты разносишь грязь, – заметила она, следуя за ним на кухню.

– Что с тобой, Гарри?

Гаррисон Миллер не ответил. Это был высокий блондин тридцати пяти лет, одетый в черные брюки и приталенную спортивную рубашку красного цвета. Его загорелое, еще мальчишеское лицо излучало удовлетворение. Он открыл холодильник.

– Ага! Недурное мясо!

– Это к сегодняшнему вечеру, – отозвалась жена.

– У нас не будет никакого вечера, – отрезал Миллер, неся мясо к мусоропроводу. – Ни у нас, ни где-нибудь в другом месте. И вообще, – усмехнулся он, – сегодняшнего вечера не будет!

Мясо с глухим чавканьем упало вниз.

– Ты с ума сошел! – разозлилась Сильвия Миллер. – Оно стоило денег!

Миллер щелкнул пальцами.

– Конечно. Деньги. Старые добрые зелененькие бумажки. Из тех, что не растут на деревьях. – Он вытащил из бумажника десятидолларовую банкноту и взмахнул ею в воздухе. – Смотрите внимательно, мадам, и первой из непосвященных вы удостоитесь чести лицезреть таинственные и ужасающие действия, показанные мудрыми старцами Тибета в бытность мою юнцом.

Он поднес золотую зажигалку, и крохотный язычок пламени лизнул край бумаги. Она горела медленно, сворачиваясь в темные

хлопья пепла.

– Я знаю, что ты пьян, – твердо заявила жена. – Зажевал чем-то, и от тебя не пахнет, но все-таки ты набрался, как свинья.

– Вопиющая ложь! – вскричал Миллер. – У меня прекрасное настроение. Изумительное.

Он вскочил на табуретку и заколотил себя в грудь кулаками, словно отбивая дробь на барабане.

– Ступай в постель, Гарри, – потянувшись к нему, сказала Сильвия.

– Зачем? Ты так истомилась по телу бывшего помощника режиссера, что не можешь дождаться ночи?

Сильвия Миллер взглянула на ухмыляющегося мужа, и ее нахмуренное лицо просветлело.

– Ты... ты сказал „бывшего“?

– Точно, либер фрау. – Он спрыгнул на пол и подошел к ней вплотную.

– Мой милый! – взвизгнула она, бросаясь ему на шею. – Что ж сразу не сказал?! Наконец-то! Мой муж – режиссер „Юниверсал-Америкэн“!

– Нет. – Миллер отвел ее руки. – Нет. Твой муж безработный.

Сильвия отпрянула и побледнела.

– Перед тем, как ты заладишь свою „О, Гарри, как ты мог“, я сам скажу тебе как. Я вошел к Фишеру и выдал: „Берни, ты – скупой грязный мошенник с душой сводника“. Потом я объяснил ему, что во всей его жирной туше таланта меньше, чем у меня в заднице. После этого я направился в кабинет Миттенхольтцера и...

– О-о, – простонала Сильвия, – господи, только не к мистеру Миттенхольтцеру...

– К нему самому. Лично к Большой Шишке. Один косой взгляд старого Митти, и твоя фамилия открывает все черные списки. А мне наплевать. Что за наслаждение! Десять лет я потел над его халтурой, и наконец-то мне было наплевать!

Сильвия сидела тихо, в ужасе зажав рот руками.

– Я сообщил ему, что он дутый художник, что его тупые фильмы вызывают лишь смех... Я сказал этому старому козлу все!

Миллер прошел в гостиную: его жена медленно проследовала за ним.

– Вот они. – Гаррисон Миллер указал на книжный шкаф рядом с окном на Беверли Хиллс. – Переплетенные копии каждого паршивого сценария, над которыми я гнул спину в „Ю-А“. Продюсер – Натан А. Миттенхольтцер. Режиссер – Бернард Фишер. Помощник режиссера – Гаррисон К. Миллер, бывший „подающий надежды“, ныне стопроцентный раб.

Он нагнулся, вытащил все семнадцать книжек и быстро вынес их во внутренний дворик.

– Смотри, кринул он. – Это дерьмо даже не плавает!

И побросал книги, одну за другой, в большой бассейн. Сильвия подошла к нему как раз в тот момент, когда последний фолиант со всхлипом исчез в голубой воде.

– Что ты с нами сделал, Гарри? – медленно выговорила она.

– Тсс! – Он приложил палец к губам. – некогда продолжать

наши милые семейные беседы. Есть дела поважнее. А часики тикают... Осталось совсем немного.

Миллер быстро прошел в кабинет, предоставив жене следовать за ним, снял трубку телефона.

– Слушаю, – прозвучал сухой женский голос.

– Это вы, мисс Бентли?

– Да, у аппарата Милдред Бентли.

– Отлично. Говорит Гарри Миллер из „Ю-А“. Я всего лишь хотел сказать вам, что вы – старая ядовитая сплетница, мисс Бентли. Вот так. И еще могу добавить, что, кажется, знаю, чего вам не хватало все эти годы, – хорошенько повалиться в сене.

– Бросила трубку, – сообщил он, сияя мальчишеской улыбкой. – Всеми обожаемая обозревательница нашей газетенки. Эта багроволицая карга вообразила, будто повелевает Голливудом. Я не мог о ней забыть.

– Она может арестовать тебя за такую выходку, – выдавила Сильвия. – Надеюсь, она так и сделает. Я молю бога, чтобы она так и сделала! – Теперь, когда шок стал проходить, Сильвия почувствовала злость.

– Арестовать за правду? Впрочем, это не имеет значения. Сейчас ровно ничего не имеет значения.

– Что ты имеешь в виду, – потребовала жена, – говоря, что ничего не имеет значения?

– Я имею в виду следующее. Мы можем позволить себе делать все, что душа пожелает: хоть ругаться перед баптистской церковью, хоть бегать нагишом по Голливуду. А если вдруг встретится фараон, можно смело плюнуть ему в глаза.

– О чем ты говоришь, Гарри?

– О том, что знаю, только и всего, – сказал он, открывая бутылку.

– У нас осталось... еще пять минут. Потом – ТРАХ! Завершение. Конец.

Миллер заметил в глазах жены внезапный испуг. Она медленно попятилась.

– О, не беспокойся, – хихикнул он. – Я не собираюсь стрелять или бросаться на тебя с кухонным ножом. Я вообще ничего не собираюсь делать. Просто буду сидеть и ждать.

– Чего ждать?!

– Того, что грядет. Сегодня. Я только обсудил с Гербом Вильямсом сюжет и сидел у себя за столом. И тут до меня дошло. Я вдруг понял: весь мир полетит к черту. И мне известен час.

– Но, Гарри, это nonsensico. – Сильвия чуть прищурилась, пристально изучая его спокойное лицо. – Возможно, ты задремал, и тебе привиделось или какая-то галлюцинация...

– Нет, – отрезал Миллер. – Это конец, и никаких „но“. Можешь не сомневаться. Я сказал себе: „Гарри, старина, рыпаться бесполезно, смирись. Почему бы не пойти к Берни Фишеру и не выложить все, что ты о нем думаешь?“ Так я и сделал.

– То есть, ты потерял работу, – сдавленным от ярости голосом проговорила Сильвия, – оказался в черных списках каждой студии города, оскорбил самую влиятельную журналистку Голливуда, угробил все свое будущее, наше будущее лишь из-за какого-то предчувствия?!

– Это не предчувствие, Сильвия. Уверенность. И... – Он взглянул вверх. – Это придет с неба. Через минуту. Через шестьдесят секунд.

Миллер опустился на огромную мягкую тахту и указал на место рядом с собой.

Сдано в набор 14.08.90. Подписано в печать 17.08.90 г. Формат 60х90 1/26.

Гарнитура Тиде. Печать офсетная. Бумага газетная. Уч.-изд. л. 1,2.

Услг печ. л. 1,0. Заказ 2574. Тираж 20000 экз. Цена 40 коп.

**Набрано и отпечатано в Барановичской укрупненной типографии
225320, г. Барановичи, ул. Советская, 80.**